

Вергилия Коулл

БЕЛЫЕ ВОЛКИ

Книга 3

МОСКВА
RUGRAM
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

Коулл, В.
К73 Белые волки. Книга 3 / В. Коулл — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 250 с. — (Белые волки).

ISBN 978-5-517-07061-6

Белые волки — совершенные существа. Больше, чем люди. Больше, чем оборотни. Они красивы. Богаты. Они среди тех, кто правит. Говорят, их хранит магия.

Но совершенные — не значит неуязвимые. Совершенные — не значит правильные. Совершенные — не значит счастливые.

Этой истории бы не было, если бы не родилась Эльза. И Эльза не родилась бы, если не вся эта история...

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-07061-6

© Вергилия Коулл, текст, 2021
© Галина Николаиди, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Цирховия.

Двадцать восемь лет со дня затмения.

Красно-коричневая глиняная статуэтка святой Огасты размером с ладонь покрылась от времени каким-то зеленоватым налетом и надкололась с одной стороны. Эльза давненько заметила ее в подвале выпавшей из груды коробок и ящиков на пол, но подобрала только теперь. Зимние праздники в честь светлого бога и его святых отмечают в эти дни — нехорошо, если она останется валяться так.

Эльза поставила Огасту на полку в гостиной среди белых восковых свечей в широких подсвечниках, конфет и разноцветных шаров из блестящей бумаги и отошла на пару шагов, чтобы оценить композицию. Святая стояла, вперив нежный взор куда-то в потолок и сложив перед собой руки. Левого глиняного рукава не хватало. Надо бы придумать, чем оттереть ей лицо. Эльза пробовала мокрой тряпочкой — но безуспешно.

Она посмотрела на собственные руки, вскинула их, переплела пальцы в молитвенном жесте, нахмурилась. Непривычно. Ее тело отвыкло от этого жеста. Но совесть не позволила Эльзе оставить Огасту в подвале, значит, ее учили уважать святых. Что же потом в ней изменилось?

Удивительно, на что только способен человеческий разум! Эльза не помнила себя, зато сохранила все умения, которые когда-либо приобрела. Похоже, ей с детства привили желание украшать дом в зимние праздники и рассказали, как это делать, — она ни капли не сомневалась, что поступает правильно. Ее пальцы знали, как обращаться с застёжками и пуговицами на одежде, когда по утрам приходилось одеваться. Она готовила, без труда выуживая из закоулков сознания нужные рецепты. Умела читать и писать и помнила школьные уроки. С легкостью могла бы ухаживать за младенцем. И ее руки сами собой потянулись к груди, стоило оказаться перед лицом Огасты.

Но по ощущениям, которые испытывала, занимаясь тем или иным делом, Эльза научилась догадываться, как часто выполняла это в прошлом. Она уже долгое время не обращалась к святым, и ошибки тут быть не может.

Наверно, так повлиял на нее разрыв с Алексом. Говорят, такое происходит от сильного горя или разочарования, а он постоянно твердит, что очень ее обидел. Твердит и не понимает, что от этих слов ей еще страшнее вспоминать. Да и не хочет она вспоминать. А если то, что он сделал, отвернуло ее от светлого бога — тем более не хочет.

В последнее время Эльзу мучили разные образы. Станные, смутные, пугающие. То накатывали, как морская волна на песок, то отступали, оставляя вместо себя белую пелену беспмятства, и от этого ей было тоже страшно и сложно во всем разобраться. Алекс не признавался: не желал влиять на ее мнение и поступать нечестно, заведомо внушая ей оправдание своему поступку, хотел, чтобы сама все вспомнила. И она ему тоже про образы не говорила.

Мужчина в белом парадном костюме скуп, по-отечески касается ее губами у алтаря.

Мужчина наотмашь бьет ее по лицу, боль такая, что сводит зубы и звенит в ушах.

Мужчина смеется ей в глаза, и от этого смеха становится жутко.

Мужчина целует ее в лодке, скользящей по черному граниту неподвижной реки.

Мужчина прижимает ее к стене, выкручивает руки и вонзает зубы в них.

Мужчина стискивает ее запястья, а между его пальцев струится кровь.

Мужчина бьет...

Мужчина целует...

Иногда у всех них было лицо Алекса, порой они являлись Эльзе вовсе без лиц. Как разобраться, кто есть кто?! Что, если Алекс — тот, кто ее бьет? А что, если все же тот, кто целует?

Эльза решительнее стиснула руки и посмотрела на Огасту. Что ж, она отвыкла... но можно попробовать все вернуть.

— Пожалуйста, — прошептала она, будто наполняя себя изнутри невероятной силой самого заветного желания, — не возвращай мне память. Я не хочу вспоминать свое прошлое. Только дочь, чтобы спасти ее. Наверно, я прошу слишком многого, да? Но даже если Алекс, и правда, что-то сделал... я не хочу этого помнить. Только дочь. Что плохого в том, чтобы не желать страдать вечно? Что плохого в том, чтобы просто быть счастливой? Я никогда больше ничего не попрошу. Только это. Пожалуйста.

Огаста молча смотрела вдаль. Они всегда молчат... как же понять, что просьба услышана?

Пока святая размышляет над ответом, надо разложить свои догадки по полочкам, поставила себе задачу Эльза. Приглядеться к Алексу и решить для себя раз и навсегда, какой из образов ему подходит больше. Тем временем, глядишь, и Огаста поможет.

Она присматривалась к Алексу, встречая вечерами на пороге, когда тот возвращался с работы. Приходил поздно — выслеживал ведьму, которая могла бы привести их к похитителю дочери. По выражению лица Эльза сразу понимала, что очередной день прошел впустую: хитрая гадина не дает зацепок, не позволяет себя ни на чем подловить. Но даже раздраженный и злой, Алекс менялся, стоило ей подойти и обнять его. Прижимал Эльзу одной рукой, весь пропахший табаком и мо-

розов зимних улиц, целовал в макушку, едва касаясь губами волос, шептал:

— Опять соскучилась тут одна, моя девочка?

Щетина у него быстро росла, и подбородок к вечеру становился совсем колючим, но Эльзе нравилось, как Алекс ее к себе прижимает. Хорошо с ним становилось и спокойно, и сам он оттаивал рядом с ней и забывал о плохом настроении. Обычно они не могли так сразу оторваться друг от друга, долго целовались в прихожей, как подростки, как влюбленные на этапе только зарождающихся чувств, и это нравилось Эльзе тоже.

Мог ли Алекс быть тем, кто ее бил?

И заниматься с ним любовью ей нравилось. Привязка, которой они больше не сопротивлялись, превращала их физическое единение в настоящее блаженство. Казалось, не только тело поет от жарких ласк — душа тоже. Эльза ощущала себя полноценной, когда Алекс был в ней, забывала о своих страхах и горестях, и тоска становилась глуше, и плохие мысли улетучивались из головы. Как наркотик, как сонное зелье, дарующее счастье и забвение — вот чем для нее являлась его любовь.

Стоило им вместе лечь в постель, и каким бы трудным ни выдался день, какой бы ранний подъем ни ожидал утром, большая ладонь Алекса уже накрывала ей грудь, бедра прижимались к ее бедрам. Иногда он лениво двигался в ней, иногда брал страстно. Эльза перестала стесняться своих порывов и, бывало, среди ночи сама возбуждала и седлала его. Нет ничего неправильного для взаимно связанной пары.

— Давай попробуем так, как раньше, — однажды прошептала она бездумно, — когда Ива только родилась, помнишь?

Приятные ощущения в теле будили сладкие воспоминания: нежный мужчина, кончики пальцев порхают, как бабочки, по ее груди и между ног, и ее язык тоже ласкает его. Но Алекса словно отбросило от нее. Он вскочил с постели и ушел, а когда она, растерянная, попыталась его успокоить, заорал, переполняясь злостью:

— Ложись спать, Эль! Не хочу сейчас ни о чем разговаривать!

Она ушла, но, конечно, не смогла сомкнуть глаз в кровати, слушая, как Алекс нервно ходит по кухне, чиркает зажигалкой и хлопает рамой окна. Мог ли этот чужой, злой мужчина быть тем, кто столь нежно целовал ее?

Эльза так расстроилась от этих мыслей, что на следующий день была сама не своя. Она решила приготовить для Алекса примирительный ужин. Светлые праздники царили в столице шире, чем недавний снегопад, плохо проводить такие дни в ссорах. Ей хочется мира, покоя на душе, мечтается обнять дочь и жить втроем их маленькой семьей. А если Алекс и виноват в прошлом... как бы так сделать, чтобы не вспоминать плохое?

Она думала и думала, хозяйничая на кухне, а руки сами мыли и резали овощи, смешивали соус и приправы, обрабатывали и складывали в горшочки мясо. Эльза поставила все в духовку, накрыла на стол, зажгла свечи — и снова пошла в гостиную в поисках ответа от Огасты.

Святая молчала, и зелень никак не желала сходить с ее лица. Ничего, надо просто верить и ждать.

Вернувшись и обнаружив накрытый стол, Алекс смутился и даже извинился за вчерашнее поведение. Эльза просто обняла его: к чему ворошить прошлое? Они поздравили друг друга с праздником и приступили к ужину.

— Ну как? — рассеянно поинтересовалась она, подперев кулаком щеку и ковыряя вилкой в своей тарелке.

Запах отчего-то не вызывал аппетита, а может, виной тому были ее тяжелые мысли. Алекс закинул в рот кусок, прожевал, слегка покраснел и ответил:

— Очень вкусно.

— Правда? — вяло удивилась Эльза и для приличия тоже попробовала кусочек.

И едва сдержалась, чтобы не сплюнуть все обратно. Мясо подгорело и вышло жестким, как подошва, к тому же руки и разум подвели ее, и Эльза умудрилась пересолить, переперчить, перелить специй так, что блюдо скорее напоминало отраву. Она медленно подняла взгляд на Алекса: тот наколот на вилку новую порцию и принялся с видимым трудом переже-

вывать, но, заметив интерес Эльзы к процессу, растянул губы в улыбке.

— Правда, вкусно? — недоверчиво переспросила она.

— Угу, — кивнул Алекс.

— Положить тебе добавки, когда все съешь?

Он покраснел еще больше, схватил со стола бокал вина и залпом выпил.

— Конечно, моя девочка. У тебя все замечательно получилось.

Еще некоторое время Эльза смотрела на мучительные попытки Алекса сохранять лицо, а затем вздохнула:

— Алекс?

— М-м-м? — приподнял он бровь.

— Все мужчины такие дураки, когда любят, или ты мне в одном экземпляре достался?

— В одном, — уверенно заявил он и снова глотнул вина, глянул настороженно: — А что, так заметно, что дурак?

— Ага, — счастливо улыбнулась Эльза. — Выплюнь все, что не успел проглотить. Это же есть невозможно. У тебя же несварение кишок будет и придется вызывать доктора.

— У меня оборотническое самоизлечение, — тоже улыбнулся он, но вилку отложил с заметным облегчением. — К тому же, ты ведь так старалась. Для меня. А я вчера наорал...

— Наорал, — не стала спорить Эльза и пересела к нему на колени, повинувшись приглашению его руки. Обвила шею и заглянула в глаза, близко-близко, как в глубокое озеро: — Но ты ведь не со зла. — Непрошенные мысли снова вернулись, и стало страшно, и в то же время не спросить уже не могла: — Скажи, ты когда-нибудь бил меня, Алекс? Тогда, в прошлом, хоть один раз? Бил?

Он долго смотрел на нее и молчал. Так долго, что Эльза уже хотела передумать. Решила попросить его оставить этот вопрос без ответа. Остаются же многие вопросы без ответа, почему бы не позабыть этот? Но Алекс произнес вполголоса:

— Да.

Словно крохотная льдинка впиалась ей в грудь. Значит, в ее воспоминаниях он не тот, кто целует? Взгляд у Алекса потух, и он отвел глаза, но она придержала его за подбородок:

— А вчера хотел ударить? Ну, когда рассердился?

Алекс только покачал головой, и Эльза перевела дыхание. Ведь где-то глубоко внутри она для себя уже решила, кем хочет видеть его тогда, в прошлом. Он избавил ее от неизлечимой болезни, рисковал жизнью, когда ведьма пришла за ней в его дом, помог обрести брата.

Он бил ее. Все-таки ей не стоит это вспоминать.

Ночью им обоим не спалось. Эльза положила голову на плечо Алекса, закинула ногу на его бедро, а рукой провела по груди — ее белая кожа против его смугловатой. Лунный свет заглядывал в их спальню, тени от веток плясали на полу. Где-то далеко в прихожей часы отмеряли время. Алекс задумчиво тронул ее ладонь, погладил в середине, Эльза распрямила пальцы и сравнила с его: ее рука казалась гораздо меньше. Она вспомнила, каким огромным он становился в волчьем облике, просто громадным, свирепым, с лохматой бурой шерстью и длинными когтями и клыками. В таком виде Алекс взял ее во время оборота в полнолуние, но не поранил и не убил. Как же он мог обидеть ее раньше? Почему ей так трудно разобраться в нем?

— Ты не рассказываешь мне, из-за чего мы расстались, — проговорила Эльза, — но о том, как жил после нашего расставания, можешь рассказать?

— Да нечего там рассказывать, — пожал плечами Алекс. — Я много работал. Очень много. Надо было куда-то деть волчьи силы, вот и строил карьеру. Иногда даже ночевал в кабинете, чтобы утром сразу к делам приступить.

— Так работа нравилась? — с пониманием кивнула она.

Алекс усмехнулся, погладил Эльзу по голому плечу, чуть стиснул у своей груди.

— Да, девочка моя. Работа нравилась. Любимая работа у меня, ты же знаешь. К тому же, ничего не мешало. Мать умерла, дома можно было сутками не появляться.

— Умерла? Как жаль... — огорчилась Эльза. — А почему? Болела?

— Нет. Сердце не выдержало, когда все узнала. Про меня, про то, что я сделал. Меня ведь судить должны были, Эль. За тебя. И наказать по всей строгости. А она так отца любила, всегда им восхищалась, в пример ставила. Он жил, как герой, умер, как герой, а я...

В голосе Алекса зазвучало презрение, а она, сама себя не понимая, поднялась на локте, обхватила его лицо, поцеловала. Зачем целовать того, кто заслуженно виноват? Она не знала. «Ты сломала мне жизнь, Эльза», — сказал ей Алекс не так давно. Конечно, тогда он просто сильно напился и вряд ли понимал, что несет, но слова врезались в память хуже острых ножей. А что, если, и правда, сломала?

Из воспоминаний нахлынул новый образ. Кто-то другой уже говорил это раньше: «Зачем ты только родилась, Эльза? Ты сломала мне жизнь». Что же она за камень преткновения такой?

— А тебя наказали? — спросила она тихонько, спрятав лицо на груди Алекса. — За преступление?

— Нет. — Он мотнул головой. — Если б такое случилось, о карьере в полиции и речи бы не шло. Мне просто повезло, что твой отец не стал выдвигать обвинение. Твои родители злились на меня, ненавидели меня, но этим все и ограничилось.

— Почему?

— Не знаю. Самому интересно.

— Значит, так посчитали нужным. — Эльза коснулась губами его кожи чуть ниже ключицы, словно ставила точку в этом разговоре. Каждый раз, когда она пытается заглянуть в прошлое, ничего хорошего не выходит. Хотя бы Огаста все-таки слышала ее!

Алекс выдохнул, запустил пальцы ей в волосы. Простыни зашуршали, когда Эльза откинулась на спину, а он оказался на ней. Его язык, горячий, влажный, прошелся по ее шее, рука ласкала грудь, колено раздвигало ей ноги. В полумраке темнела на бицепсе черная краска: теперь он называл себя истинным